

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

«УМОЛЧАНИЯ» ПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТА

И.В. Троцук

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

На первый взгляд, поколенческий анализ — по определению задача социологической науки, призванной диагностировать состояние и тенденции развития общества, сопоставляя ценностные приоритеты, социальные установки и поведенческие пристрастия составляющих его возрастных подгрупп. Несмотря на отсутствие единого определения понятия «поколение» в научном дискурсе и различия его междисциплинарных трактовок, исследователи сходятся в том, что в социологии мы всегда имеем дело не столько с демографической совокупностью людей одного возраста, сколько с некоей символической общностью, членов которой объединяют схожие условия социального взросления. К сожалению, отечественная традиция использует фрагментарную версию поколенческого анализа, поскольку фокусируется в основном на молодежи (реже — трудоспособном населении в целом) и «забывает» о «старых и малых», что обусловлено целым рядом причин, но главные акценты прослеживаются в обоих случаях — старшие поколения в значительной степени игнорируются, а для младших сложно подобрать адекватный методологический подход. В статье обозначены тематические приоритеты поколенческого анализа в его социологической версии (фокус на социально-статусных и символических особенностях поколений, а не, скажем, культуре детства как таковой — она составляет предмет исторических изысканий), кратко охарактеризованы его ключевые понятия (поколение и когорта) и проблемы, суммированы различия методологических подходов (прежде всего, количественного и качественного) и исследовательских ориентаций, особенно в изучении старших возрастов.

Ключевые слова: поколение; поколенческий анализ; когорта; социальная структура; качественный и количественный подход; «демографическое» поколение; символическая общность.

«Наряду со всеми тягостями старость имеет и другую сторону — для нее характерны богатство опыта, ясность суждений... Но это сокровище опыта и памяти, к сожалению, слишком редко привлекает к себе внимание» [4. С. 7].

Понятие «поколение» — формально одно из основных в социологии, которая любит оперировать большими цифрами и «препарировать» столь любимый классической русской литературой конфликт «отцов и детей», создавая бесчислен-

ные таблицы сопряженности, где наглядно проявляются различия социально-демографических групп, особенно возрастных. Столь же формально статус всех поколений для исследователей одинаков — мы стараемся максимально беспристрастно и отстраненно рассуждать о ценностных доминантах, поведенческих паттернах и мировоззренческих приоритетах разных возрастов. Однако можно обойтись и без сложных контент-аналитических изысканий, чтобы увидеть: подавляющее большинство статей в социологической периодике и примеров в учебных пособиях, сборниках и монографиях посвящено молодежи (другой вопрос, что возрастные границы молодости могут варьировать от 15 и до 35 лет). Впрочем, и сменив профессиональную «оптику» восприятия действительности на обыденно-привычную, любой россиянин, хотя бы раз побывавший за границей, отмечает, сколь разительно даже на самый первый непритязательный, расслабленно-туристический взгляд отличается «наше» и «их» социальное пространство с точки зрения представленности и поведения в нем детей и пожилых людей.

Вряд ли объективные научные данные будут сильно расходиться с устойчивыми социальными стереотипами в оценке принципиальных различий «наших» и «их» (1) стариков, которые, очевидно, имеют объективное и субъективное измерение. Первое связано с качеством жизни, обусловленным социально-экономическими условиями, государственной политикой и инфраструктурной продуманностью социальной среды, — в совокупности они обеспечивают или, наоборот, препятствуют полноценной интеграции человека с ограниченными в силу возраста или болезни возможностями в «нормальную» жизнь (2). Второе определяется доминирующими в обществе трактовками и восприятием разных возрастов, социально одобряемыми и считающимися совершенно неприемлемыми форматами поведения человека при достижении конкретных биологических (беспристрастно фиксируемых числом прожитых лет) стадий жизни: как это ни грустно, но возраст является социальным фактом в дюркгеймовском смысле — не только биологически объективным, но и социально принудительным (3).

Хотя в нашей стране геронтология в русле общемировых тенденций начала развиваться вследствие роста средней продолжительности жизни (в Европе с конца XIX в. к 1970-м гг. — с 39 до 70 лет, в СССР с 1917 по 1970 г. — с 32 до 71) как раздел медико-биологической науки, изучающий явления старения в рамках гериатрии (учения об особенностях болезней старческого организма), герогиены и геронтопсихологии (см., напр.: [9; 26]), в начале XXI в. на практике в ней все еще делается акцент на медицинских аспектах борьбы со старением, хотя его проблемы артикулируются вполне в духе мировой социальной геронтологии. Пример тому — страница Геронтологического общества при Российской академии наук [37], где размещена выдержка из стенограммы Заседания Государственного совета по вопросам развития системы социальной защиты пожилых людей 5 августа 2014 в Воронеже, а именно из выступления Президента РФ В.В. Путина, в котором подчеркивается необходимость разрабатывать меры социальной защиты пожилых людей, составляющих почти четверть населения страны, «с учетом демографических и экономических возможностей... и творчески», и главной целью

объявляется повышение ожидаемой продолжительности жизни к 2018 г. до 74 лет (сегодня 70,8), к 2020 г. — до 75,7 лет за счет «позитивных перемен... в качестве жизни людей пенсионного возраста, учитывая, что у разных групп пенсионеров свои устремления, свои нужды, потребности». Президент оптимистично оценивает положение пожилых людей: пенсионеры «в целом уже не воспринимаются как слабые, беззащитные, нуждающиеся в постоянном патронате государства. В России уже немало людей старшего возраста, которых не по внешнему виду, не по состоянию здоровья, что называется, к старикам не отнесешь. Недаром уже появился и новый общемировой термин — люди „третьего возраста“. В этом возрасте многие сохранили трудовую, социальную и общественную активность, путешествуют, занимаются спортом... Каждый третий пенсионер продолжает трудиться...». Конечно, все это замечательно, но хотелось бы знать не только долю работающих пенсионеров, но и масштабы распространения „третьего возраста“ в России, потому что простой обывательский взгляд редко наталкивается на его представителей даже в Москве — богатом и мобильном городе со множеством возможностей и мощной муниципальной поддержкой общественных инициатив (по крайней мере, на фоне других регионов).

В западной традиции речь уже давно идет о социальной геронтологии — изучении и изменении образа жизни пожилых людей таким образом, чтобы повысить ее социальную насыщенность и тем самым продолжительность (4). Например, в Великобритании при Килском университете создан Междисциплинарный исследовательский центр социальной геронтологии, приоритетные направления работы которого включают в себя изучение влияния государственной политики на социальную эксклюзию пожилых, проблем перехода от трудовой деятельности к жизни на пенсии (заключения нового социального контракта между обществом и пожилым человеком), изменений в состоянии здоровья, образе жизни и самоидентификации в старости, социального самочувствия и базовых сфер занятости работающих пенсионеров, положения пожилых людей в социально депрессивных районах, стратегий реформирования собственной биографии в пожилом возрасте, проблем старения бездетных пар, перспектив «новой старости», наполненной творчеством, практик множественной эксклюзии и качества жизни людей в специализированных заведениях (домах престарелых) и др. (используются как опросные методики — групповые дискуссии и индивидуальные интервью, так и включенные наблюдения и дневниковый метод).

В России в период с 1959 по 2002 г. число пожилых увеличилось более чем в два раза, но не проводится широкомасштабных мониторинговых обследований старших возрастных групп, как, например, в США, где в 1974 г. был создан Национальный институт по проблемам старения (одна из 27 исследовательских структур Национального объединения институтов здравоохранения США), возглавивший все проекты по изучению природы старения в целях сохранения здоровья, социального благополучия и активной жизни старших возрастов (см., напр.: [35; 36]). С 1992 г. институт запустил мониторинговое «Национальное исследование здоровья и пенсионного возраста», ставшее основным источником разносто-

ронней информации о состоянии здоровья, финансовых возможностях, взаимоотношениях пожилых американцев со своим окружением и т.д. (5). На основе этих данных делаются прогнозы о благосостоянии пожилых людей (в том числе посредством сопоставления результатов опросов с информацией страховых служб о медицинских услугах, которые получают американцы в возрасте 65 лет и старше), о влияющих на него факторах (финансовое положение, количество и качество социальных контактов и др.), разрабатываются меры государственной социальной политики в сфере старения. Схожие проекты осуществляются в Великобритании (Лонгитюдное исследование проблем старения), Европе (Общеввропейское исследование здоровья, старения и пенсионного возраста) и других странах.

В России проводятся лишь отдельные исследования, тем или иным образом затрагивающие проблемы пожилых людей (6) (см., напр.: [13; 14]), — их можно условно сгруппировать в четыре основных направления: социальный портрет российского пенсионера; экономическое положение пожилых; социальная политика в отношении старших возрастов и ее восприятие населением; межпоколенные связи и взаимоотношения. В целом, несмотря на фрагментарность имеющихся данных, можно утверждать, что пожилой россиянин воспринимается обществом и действительно оказывается после выхода на пенсию в сложной экономической ситуации, если не «встроен» в сети эффективной родственной поддержки, которые могут помочь ему финансово и с адаптацией к посттрудовому этапу жизни, спасти от нисходящей мобильности, обеспечить прежний уровень медицинского обеспечения и социальной активности. Тем не менее, во всех возрастных группах российского общества очень силен и устойчив стереотип, что пенсия (старость) — это время «дожития».

Итак, что же понимается под поколенческим анализом? Данная проблематика — внутри- и межпоколенческой трансляции статусных позиций, ценностей и жизненного опыта — не является исключительной вотчиной социологов и привлекает внимание представителей самых разных дисциплин, рассматривающих социальную действительность сквозь призму проблем, потерь и достижений различных возрастных групп и механизмов ретрансляции от поколения к поколению накопленного материального и духовного багажа.

С начала XX в. классическая проблема взаимоотношений «отцов и детей» существенно обострилась вследствие ускорения ритма общественных изменений и расширения спектра вариантов социальной идентичности в нынешнем плюральном мире, где сугубо биологически-возрастное «содержание» поколения все в большей степени вытесняется социальной отнесенностью к некоей символической общности. Подобные тенденции хорошо фиксируются не только статистическими показателями в ходе массовых «замеров» ценностных различий и прочих характеристик возрастных подгрупп общества, но и метафорическими образами художественной литературы с явным публицистическим и биографическим креном: так, известный японский писатель Х. Мураками ввел понятие «поколение Аум» для обозначения всех тех людей, кто в сознательном возрасте пережил зариновую атаку в токийском метро и стал свидетелем судебного процесса над организовавшими ее лидерами секты «Аум Сенрикё».

Этимологически понятие «поколение» трактуется как своеобразный симбиоз общеарийского корня «gan» — «производить потомство» [7], латинского «generation» — «порождение» [15. С. 100] и русского «колена» в значении разветвления рода, ступени в родословной [23. С. 277, 540].

Единого определения термина «поколение» в научном дискурсе нет: в силу своего междисциплинарного характера он может наполняться вариативным содержанием в соответствии с конкретными исследовательскими задачами. Так, антропологи и юристы предпочитают биолого-генетическое понимание поколения как звена в цепи происхождения от общего предка (соответственно, межпоколенные связи — это отношения между родителями и детьми, предками и потомками) [22. С. 15]. В западноевропейской социальной философии сложилось три трактовки поколения — позитивистско-натуралистическая (пространственно-хронологическая общность), романтико-гуманитарная (идейно-духовная общность) и историко-политическая (временно господствующая группа). В истории и культурологии поколение — символическая совокупность людей, объединенных активным участием в конкретных исторических событиях и общими идеалами, но обладающая достаточно условными, хронологически нестрогими, описательными характеристиками [7].

Социальные психологи также считают, что в поколение людей связывает не столько возраст, сколько взросление под влиянием одних и тех же важных событий, общего социального опыта: «жизненный путь человека — это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения» [1. С. 67].

Этнографы, как правило, интересуют не только границы поколения как некоей возрастной группы, но и те обряды и ритуалы, с помощью которых общество фиксирует переход индивида из одного (биологического и социального) статуса в другой, а потому поколения обладают особыми социально-структурными и культурно-символическими, а не только возрастными чертами [5. С. 8—11]. Этнографические исследования и дискуссии привели к тому, что во второй половине XX в. в качестве критериев выделения социально значимых стадий жизненного пути человека стали выступать одновременно культурно-нормативные (как общество разграничивает юность, зрелость и старость как возрастные ступени), социально-структурные (поколения как социальные классы) и функционально-организационные (возрастные группы) [33. С. 69—73].

В социологии и демографии поколения традиционно рассматриваются как возрастные группы (дети, молодежь, взрослые, пожилые), которые «разделяют» определенные количественные показатели, например, средняя возрастная разница между родителями и детьми в конкретном обществе в заданный исторический период. Демография и социология разводят понятия «поколение» и «когорты» (7): последняя — совокупность людей, у которых одновременно произошло некое демографическое событие, и если в качестве такового выступает рождение в течение некоторого календарного периода, то когорта получает название поколения; социологию когорты интересует как специфическая в культурном и социально-историческом отношении группа без четких демографических границ; кроме того,

поколения бывают реальными (совокупность ровесников), гипотетическими (современники), нулевыми (совокупность супружеских пар), первыми (их дети), вторыми (их внуки) и третьими (их правнуки) и т.д.

Основы объективно-биологического восприятия поколений были заложены еще О. Контом, Дж.С. Миллем и Г. Спенсером [33. С. 16—17], которые видели в смене поколений естественную закономерность, обусловленную ограниченностью человеческой жизни, и источник социально-исторической динамики: поколения влияют друг на друга, поэтому сокращение жизни и быстрая смена поколений не позволяют стабилизировать новации, нарушают общественный порядок и препятствуют ходу социальной эволюции. Взаимоотношения поколений — явление историческое и социокультурно обусловленное, поэтому в разные эпохи проблема межпоколенных отношений проявляется по-разному: чем глубже в историю, тем в большей степени она сосредотачивается в рамках семьи, но по мере продвижения к современности захватывает все большее число социальных групп (в марксизме внимание уделялось социально-экономическим условиям становления поколений и их конфликтам как крупных социальных групп).

Трактовка поколения как субъективной, исторически обусловленной духовно-символической общности была предложена немецкими романтиками и их последователями [31. С. 21]: для В. Дильтея в поколении главное не временной интервал примерно в тридцать лет, а общность детства и юности, переживания крупных исторических событий, которые в совокупности определяют сходное восприятие действительности на протяжении всей жизни, духовную солидарность, единые мировоззренческие черты. Для Х. Ортеги-и-Гассета поколение — в первую очередь политический субъект истории, конституируемый единством возраста и жизненного пространства, «целостное социальное тело, обладающее и своим избранным меньшинством, и своей толпой, заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией» [25. С. 143].

Наиболее популярна в социологии, судя по частоте ссылок на нее, концепция К. Мангейма, который стремился соединить позитивистско-биологический и романтико-исторический подходы к поколению, считая, что важны все три его измерения: «положение» (объективный возрастной статус), «взаимосвязи» (общие ценности и идеалы, осознание общности) и «единство» (общая историческая, культурная и социальная судьба) [20]. Как правило, в социологических работах акцентируется какое-то одно из этих измерений, в зависимости от того, как именно трактуется поколение — как объект социализационного воздействия, субъект социально-политического конфликта, ролевая позиция в межпоколенных отношениях и т.д.

Для российской общественной мысли исторически было характерно выделение и противопоставление поколений в первую очередь по социальному (типам жизненных стратегий и ценностей), а не возрастному критерию. Например, В.И. Ленин [19. С. 255—262] обозначил в истории России три политических поколения по социальному происхождению революционных элит каждого: дворяне и декабристы, разночинцы и революционные подростки, которые к 1914—1917 гг.

стали ударной силой революции и гражданской войны. Т. Шанин [32] продолжил этот ряд поколением исполнителей сталинской коллективизации 1928—1934 гг., поколением «внутрипартийной борьбы» и «ежовщины» 1937 г., за которыми в позднесоветский период последовали «шестидесятники», выразившие идейное содержание «оттепели», а позже «прорабы перестройки». Считается, что в советской социологии до середины 1960-х гг. поколенческая проблематика почти не поднималась, а затем работы в этой области условно распадаются на две группы [18. С. 51—52]: первые посвящены вопросам воспроизводства социальной структуры, которое рассматривается через свое поколенческое измерение (возрастные когорты — носители основных качеств социальной структуры, которые отражаются в их жизненных траекториях); вторые сфокусированы на молодежи как особой социально-демографической группой и, несомненно, преобладают как в рамках поколенческого анализа, так и в российской эмпирической социологии в целом.

Иными словами, понятие «поколение» многозначно, поскольку сочетает разные аспекты возрастной структуры и истории общества, учитывает и возрастную однородность, и символическое единство (8) на основе некоторых типологических характеристик, являющихся результатом взросления в схожих социально-экономических условиях, формирования схожего жизненного опыта и репертуара возможных социальных ролей. Поэтому говорят о поколениях элиты (практически все российские литераторы XVIII и XIX в. описывали поколения как интеллектуальные или социально активные группы) и массы, «именных» поколениях — свидетелях крупномасштабных исторических сломов [11. С. 68]. «В социологическом анализе... мы всегда имеем дело не с „демографическим“ поколением (совокупностью людей одного возраста), а с определенными значимыми „поколенческими“ группами или структурами (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)» в рамках «крупного» периода (обычно берется столетие, т.е. масштаб «трех зримых поколений») [16. С. 40—41]. Так, Х. Беккер обозначил в западном обществе довоенное, молчаливое, поколение протеста, потерянное и поколение «икс» (родившиеся после 1970 г.) [18. С. 38]; В.В. Семенова в российском обществе — околвоенное, доперестроечное, поколение переходного периода и послеперестроечное (родившиеся после середины 1980-х гг.) [27. С. 88—89]; Ю.А. Левада — шесть поколений, соответствующих переломным историческим периодам: люди «революционного перелома» 1905—1930 гг., родившиеся в 1890-х, «сталинское» поколение родившихся около 1910 г., военное и послевоенное поколение 1920—1928 гг. рождения, люди «оттепели» 1929—1943 гг. рождения, «застойные» поколения 1944—1968 гг. рождения и «перестроечные и реформенные» — родившиеся в конце 1960-х [16. С. 41—44].

Уже на уровне этих базовых определений поколенческого анализа в социологии проявляются два явных его «умолчания» — из его предметной области выпадают «старые и малые».

Прежде всего, это обусловлено акцентированием символического содержания поколения: его первичными характеристиками объявляются социальный контекст

взросления, общие социализационные механизмы, системные (состав когорт) и биографические (ценностные ориентации и поведенческие модели) особенности, а уже вторичными — количественный состав, гендерная, профессиональная, национальная и прочая структура. В итоге обязательными признаками поколения оказываются схожие ценности и формы поведения его членов (так называемая «поколенная взаимосвязь») и осознание ими своего поколенческого единства [6. С. 170—171].

Очевидно, что дети еще не в состоянии осознать свое «поколенческое единство», а старики уже не видят в этом смысла. Так, социологические трактовки одиночества могут бесконечно подчеркивать разнообразные его грани (объективное и субъективное), особенности (вынужденное или добровольное, временное или постоянное, реальное или неадекватно фиксируемое, позитивное или негативное) и стратегии адаптации или преодоления, советовать бороться с социальными стереотипами, клеймящими одиночество, или расценивать его как абсолютно нормальное состояние, требующее защиты прав своих «адептов» под лозунгом «Одиночки всех стран, объединяйтесь!» [12], но все это срабатывает только до старости, когда идеализировать и романтизировать одиночество как право на свободу, независимость и собственный рецепт счастья уже не получается. И у самого здорового и финансово обеспеченного пожилого человека значительно ухудшается качество жизни даже в Америке, где большинство взрослых (каждый седьмой без учета находящихся в домах престарелых и отбывающих тюремное заключение) одиноки, но привыкли к этой ситуации, где социально-конструкторский потенциал возрастных градаций очень велик (многие люди старше 65 лет не чувствуют и не называют себя престарелыми и ведут очень активную жизнь), где создана эффективная социальная инфраструктура и система поддержки достойной старости.

Уже к началу 2000-х гг. мониторинговые всероссийские опросы обозначили изменения когорт за годы общественных трансформаций и обрисовали социальный портрет каждой из них (внутренняя дифференциация, динамика социального статуса, ролей и стратегий экономического поведения), выделив в структуре общества три поколения — молодое, родительское и старшее.

Понятно, что молодое поколение в социологических исследованиях, как правило, «начинается» не раньше школьников старших классов, потому что у них складывается уже более или менее реалистичная модель жизненных притязаний и стратегий, т.е. детство в фокус исследовательского интереса не попадает (9). Старшее поколение обычно объединяет все возрастные группы от 55 лет (10), хотя запросы, ожидания и поведенческие паттерны у человека в возрасте, скажем, 56 и 76 лет, несомненно, будут существенно различаться. Тем не менее, что вполне предсказуемо, наименее гомогенным по своим ценностным ориентациям является родительское поколение (в сравнении со старшим и молодым): характеристики составляющих его возрастных групп по определению не могут быть столь же схожими, как у «детей» и «стариков», и не только потому, что они прошли социализацию в принципиально иных исторических условиях — важнее, что внутри родительского поколения сильны различия жизненных целей, хотя все его подгруппы находятся в стадии так называемого «социального расцвета».

В целом «жесткая», количественная методология, основанная на массовых опросах и рассматривающая жизнь человека как проявление действия неких объективных поколенческих черт, хорошо фиксирует статистически значимые проблемы взаимоотношений поколений друг с другом и с социальными структурами и институтами, но оставляет без внимания субъективно значимые аспекты реального внутри- и межпоколенческого взаимодействия. Последние составляют предмет интереса качественного подхода, внимательно исследующего взаимоотношения информантов с представителями своего и иных поколений, механизмы передачи социального статуса и жизненного опыта, (вос)производства локальных форм индивидуального и коллективного повседневного (со)существования.

Складывается впечатление, что жизнь старших поколений привлекает внимание социологов только в рамках качественного подхода: предметом кейс-стади могут стать социально-психологические и ценностно-мотивационные особенности представителей старшего поколения, позволяющие увидеть общие для него нормы и типичные роли; этнография может показать каждодневные социальные и дискурсивные практики поколенческой общности, а «обоснованная теория» — сконструировать модель поколенческой идентификации; биографический метод обращается к (авто)биографиям как социально-симптоматическим и социально-типичным данным, которые помогают увидеть отличительные черты разных поколений, реконструировать семейные стратегии на протяжении нескольких поколений, формы их взаимодействия и причины межпоколенческих конфликтов и т.д. Данные варианты реализации качественного подхода в рамках поколенческого анализа могут выступать как самостоятельные и как дополнительные, иллюстративные в массовых опросах.

Пример второго варианта использования качественного подхода — сопровождение количественных данных по трем поколениям советского периода (лонгитюдный проект «Пути поколения в России») глубинными свободными интервью с представителями каждого из них, чтобы наглядно показать работу механизмов трансмиссии социального капитала с дореволюционного периода жизни семьи до настоящего времени [30]. Однако в последние годы качественные методики все чаще выступают основным инструментом поколенческого анализа. Так, В.В. Семенова [27. С. 87] реконструировала образы поколений как лексические формы культурной самопрезентации, задав респондентам открытый вопрос «Как коротко Вы бы могли охарактеризовать людей своего поколения?» и «закодировать» полученный текстовый материал в словесные образы поколений (объединяя слова и словосочетания со схожей символической нагрузкой). В поисках ответа на вопрос о причинах эпидемического распространения одиночества в западных городских сообществах Э. Кляйненберг [12] в течение семи лет провел более 300 интервью с одиночками разного возраста из разных социальных слоев, дополнив их экспертными оценками, архивными, статистическими и маркетинговыми данными об образе жизни одиноких людей.

Биографии позволяют «вдохнуть жизнь» в объяснительные модели массовых статистических обследований, показывая течение и событийную наполненность реальной повседневной жизни (см., напр.: [8]), и чем старше респонденты, тем

четче они артикулируют идентификационные доминанты разных поколений, частью которых им удалось побывать (11). Так, например, Г.А. Ястребинская [34] реконструирует историю российского и советского крестьянства с дореволюционного времени до наших дней через повествования пожилых сельских жителей: они позволяют снять свойственную тактике кейс-стади «отстраненность» описания конкретного села и показать, как внутри данного «случая» складывались реальные жизненные траектории. Сельские старики становятся объектом пристального социологического внимания и в рамках исторической (крестьяноведческой) традиции изучения сетевого дарообмена [3]: они не только могут рассказать об утраченных в российском обществе к 1980-м гг. обычаях соседской взаимопомощи, но и воспроизводят архитектуру частных трансфертов между домохозяйствами, сложившуюся к началу 1990-х гг. и продолжающую определять особенности нынешней неформальной экономики — помощь «детям», у которых нередко уже есть свои дети, на селе намного существеннее, чем в городе (в тяжелые 1990-е гг. пенсии были здесь практически единственными «живыми» деньгами), тогда как в городе несоизмеримо больше спрос на рабочую силу и молодежь, наоборот, заботится о своих родителях.

Хотя из поколенческого анализа в социологии выпадают две группы — «старые» и «малые» (12) — первая, конечно, чаще оказывается в фокусе исследовательского интереса, поскольку социально-конструктивистский компонент возрастной идентификации в старости менее выражен по объективным причинам (биологические проявления старения ограничивают возможности изображать из себя молодого человека, если вы, конечно, не печально известный Дориан Грей). Биологические и психологические характеристики возраста имеют решающий характер во всех поколенческих группах, но социокультурное измерение в большей степени исключает из социологического рассмотрения именно детей (13) как незрелых — именно так культура легитимирует их статусно-ролевые репертуары, задавая критерии преодоления жизненного рубежа «взрослости».

В современных обществах растет средняя продолжительность и жизни в целом, и составляющих ее возрастных этапов: период детства удлиняется за счет молодости, которая выступает не следующим за ним этапом, а скорее его продолжением, поэтому отмечается все более позднее вступление во взрослую жизнь не столько по формально-юридическим критериям, сколько по параметрам социальной «зрелости». Во второй половине XX в. оформились социологические концепции трансформации детства: его исчезновения, индивидуализации и эмансипации, стирания четких границ между детством и взрослостью и др. Наиболее популярный сегодня историко-социологический подход учитывает сразу три взаимосвязанных аспекта детства: участие детей в общественной жизни (социальный статус, институты социализации и методы воспитания); символический образ ребенка в культуре и представления о критериях зрелости; культуру детства (детский фольклор, специфика восприятия детьми общества взрослых и т.д.) [15. С. 6—7].

Культура детства, в отличие от социально-статусных и символических его аспектов, не составляет предмет социологического анализа и рассматривается ско-

рее в исторических дисциплинах. Самой известной работой здесь, видимо, является «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» Ф. Арьеса [2], где подчеркивается неактуальность идеи точного возраста человека, потому что она имеет ярко выраженный исторический характер и социокультурную детерминацию (например, в прошлые эпохи возрастные категории четко коррелировали с социально-статусными).

Так, в традиционном обществе с высоким уровнем смертности статус детства был крайне низок, подросткового этапа не существовало, по мере взросления дети просто растворялись среди взрослых. Самостоятельная социальная и психологическая ценность детства была признана только в Новое время, когда вся жизнь семьи стала организовываться вокруг ребенка, и по мере повышения статуса детства возрастал и социальный контроль за ним, особенно в воспитательном и образовательном отношении — «ребенок занял центральное место в семье не только с точки продолжения рода, но и потому, что он просто есть» [2. С. 142]. Л. Де Моз [10], основатель «психоистории», объясняет историческую тенденцию к возрастанию ценности детства тем, что по мере развития общества увеличивается и родительская способность к эмпатии, а, значит, и эффективность способов удовлетворения запросов ребенка, т.е., как Арьес констатирует исторически нарастающую тенденцию понимания взрослыми потребностей и автономии детей.

Социологию больше интересуют два других аспекта детства — его социальный статус, определяемый прежде всего набором и работой институтов социализации, а также символические образы детства, тесно связанные с критериями зрелости. Институциональные, социально-ролевые и символические аспекты детства хорошо фиксируются стандартными социологическими методиками, но в качестве респондентов/информантов всегда выступают взрослые (родители детей) или почти взрослые (14) (подростки-старшеклассники), т.е. исследования детства ведутся в рамках таких отраслевых направлений, как социология семьи, социология образования и социология молодежи, в фокус которых по определению не попадают дети школьного и дошкольного возраста. Позиционирование их в качестве объекта исследования затруднительно в методологическом плане: сложно установить объективный уровень развития личности и возрастные компетенции ребенка, не говоря уже об операционализации чрезмерно коннотированных критериев зрелости и самостоятельности суждений — в итоге социологи предпочитают выяснять, что взрослые думают о детях, а не мнения детей о самих себе (это считается задачей психологии).

В последние десятилетия ситуация несколько изменилась благодаря разработке и модификации ряда социологических методик в целях изучения социальных реалий детства и установок детей, но говорить об «институционализации» детей как объекта социологического исследования нельзя вследствие недостаточной сформированности у них системы мотивов, ценностей и норм, низкого уровня коммуникативных способностей малолетних респондентов, ограниченности их кругозора и жизненного опыта, высокой вероятности неосознанного искажения информации, быстрой утомляемости детей и рассредоточения их внимания и, конечно, отсутствия в методическом арсенале социологии инструментов, необходимых для обхода подобных препятствий и т.д.

Иными словами, «классические» методы социологии не справляются, если цель — изучение детей дошкольного и младшего школьного возраста как самостоятельного объекта исследования в силу их особенностей как респондентов, поэтому в рамках поколенческого анализа дети — «неподдающееся» поколение. «Малые» наряду со «старыми» (последние прекрасно поддаются всем стандартным социологическим приемам получения информации, но откровенно игнорируются) формируют два «белых пятна» на поколенческом портрете современного российского общества, тогда как изображение молодежи (реже — трудоспособного населения в целом) на нем представлено предельно подробно, самыми разными красками и мазками, и создается оно непрестанно огромным количеством «художников», придерживающихся разных принципов изобразительного мастерства (качественного или количественного подхода) и принадлежащих разным школам и направлениям (социологическим институциям и коллективам). Практически в режиме реального времени мы получаем сводки о состоянии и изменениях мировоззренческих доминант и поведенческих стратегий молодежи в самых разных областях, видим амбивалентный характер ценностно-нормативной сферы нынешнего студенчества, который только усугубляется в случае региональных сравнений, что не характерно для других государств, даже столь же больших и внутренне дифференцированных, как Россия. Российская молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень социальной тревоги и агрессии, но он в значительной степени детерминирован сконструированным средствами массовой информации негативным образом окружающей действительности, а также скепсисом в оценках деятельности государственных структур.

Но, несмотря на высокий уровень тревожности и восприятие значительного числа социальных угроз как актуальных, молодежи в целом не свойственен пессимистический и безрадостный настрой, что можно связать и с юношеским идеализмом, и со свойственной российскому обществу «нормой» конформности (при прочих равных россияне склонны оценивать практически любую ситуацию как «нормальную»), и с пока еще неактуальностью многих опасений личного свойства, и с восприятием большей части из них как постоянного, рутинизированного медийного «шума», который формирует некий «фатализм» вместе с уверенностью, что «пронесет» (см., напр.: [21]).

Продолжать описание российской молодежи в подобном ключе можно бесконечно, поэтому ограничимся констатацией того факта, что российской социологии и обществу не хватает столь же детального портрета пожилых поколений, отсутствие заинтересованности в котором только подкрепляет их ориентацию на «дожитие» в обществе, где «старость служит растянутым во времени ритуалом приготовления к смерти» [17. С. 110].

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Противопоставление здесь чисто констативное, без каких-либо идеологических подтекстов.
- (2) Проблемы социальной инклюзии и эксклюзии не так давно стали обсуждаться в российском обществе, что повлекло за собой первые, пусть зачастую очень фрагментарные и непродуманные, шаги по созданию так называемой «доступной городской среды»,

- но, как правило, речь преимущественно идет об инвалидах (людях с ограниченными возможностями) в детском, подростковом и в целом «социально активном» возрасте.
- (3) Мой личный преподавательский опыт показывает, что для большинства студентов 30 лет — некий принципиальный рубеж, когда молодость, по крайней мере с позиций нынешних 20 лет, заканчивается, поэтому к этому времени нужно обзавестись соответствующим брачно-родительским багажом/опытом. Если на западе средний возраст вступления в официальный брак с середины XX в. постоянно повышается, то, скажем, по данным опроса студентов старших курсов в Российском университете дружбы народов, проведенного в 2013 г., оптимальным возрастом вступления в брак 42% считают 24—25 лет, второй наиболее частотный интервал — 21—23 года (27%) (в анкете был использован открытый вопрос «Какой возраст Вы считаете оптимальным для официального вступления в брак?», ответы были сгруппированы в интервалы исходя из их наполненности). 46% девушек считают оптимальным возрастом вступления в брак 24—25 лет, у юношей два наиболее частотных интервала — 24—25 лет (37%) и 26—35 лет (40%); верхний предел брачности в обеих подгруппах — 26—35 лет. На девушек, видимо, давят сохраняющиеся стереотипы «старой девы», «старородящей» (хотя сегодня таковой считается женщина, рожаящая первого ребенка в 34 года, а не, как в советское время, в 24), ожидания окружающих, что после окончания вуза девушка должна реализовать «семейный проект», а также громко тикающие биологические часы. Соответственно, 69% юношей, отвечая на открытый вопрос об оптимальном возрасте рождения детей, указали цифру в интервале от 26 до 35 лет; разброс ответов у девушек больше, но самых частотных интервала два — 24—25 лет (45%) и 26—35 лет (38%); верхний предел деторождения, как и брачности — 26—35 лет.
 - (4) Для современных западных обществ характерно «исчезновение старости» в том смысле, что ограничено даже использование слова «пожилой» — в Европе чаще говорится о «солидном возрасте», в США — о «третьем возрасте» [28. С. 264].
 - (5) Каждые два года проводятся репрезентативные опросы пожилых людей, каждые шесть лет выборку обновляют — включают в нее новых респондентов, достигших необходимого возраста.
 - (6) Особенности старения и пожилого возраста, геронтологическая проблематика в целом в отечественной традиции развивается с 1960-х гг. в основном в русле психологии: в 1990-е гг. именно здесь сложилась теория жизненного пути, в начале 2000-х гг. стала разрабатываться концепция личности пожилого человека.
 - (7) В отечественных публикациях иногда встречается понятие «генерация» — полный синоним поколения [29. С. 247], обозначающий четко локализованный в пространстве и времени возрастной слой, обладающий сходными социальными признаками и ролевыми функциями.
 - (8) Символической трактовки поколения, наполненной «субъектным» содержанием (акцентировалась не столько общая хронология жизни, сколько общность норм, ценностей и поведенческих стратегий), придерживались, например, представители и последователи чикагской социологической школы (см., напр.: [33. С. 75—79]).
 - (9) Дети оказываются в фокусе исследовательского интереса, как правило, в двух случаях: 1) речь идет о неких социальных девиациях (дети-сироты, беспризорные и т.д.), 2) дети только «имеются в виду» — в вопросах рождаемости, репродуктивных установок населения и пр.
 - (10) Данный «рубеж — пенсионный возраст для женщин — установлен государством, принят обществом, в этой возрастной группе женщин подавляющее большинство» [17. С. 113].
 - (11) Хотя нередко исследователи подчеркивают, что в России семейная память, как правило, носит поверхностный, фрагментарный характер.

- (12) В социологическом контексте эти две когорты нередко объединяет только одна проблема — одиночества: по данным многочисленных исследований, именно подростки и пожилые, формально по очень разным причинам, но на самом деле вследствие общей неудовлетворенности качеством или количеством социальных связей и контактов, наиболее подвержены одиночеству и вытекающим из него негативным последствиям.
- (13) Общеизвестно, что детей очень сложно «изучать» не только по методологическим причинам, но и этическим.
- (14) Например, Е.Л. Омельченко [24. С. 9] полагает, что взрослость можно измерить по следующим признакам: формальный взрослый статус, законодательно закрепленный, разрешающий обладать гражданскими правами; получение профессионального образования; трудоустройство; обладание семьей, детьми; собственность, недвижимостью; статус, который закреплен в системе социальных норм общества. Серьезные трансформации могут пошатнуть стройность этой системы, приведя к нестыковке возрастных стадий и формальных статусов: например, сегодня получение высшего образования не означает, что человек будет работать по специальности, а брак далеко не всегда связан с рождением детей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: в 2 т. М., 1980. Т. 1.
- [2] *Арбес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
- [3] *Барсукова С.Ю.* Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами. URL: www.ecsocman.edu.ru/db/msg/182574.html.
- [4] В памяти и добром здравии. Старшее поколение, общество и политика. М., 2011.
- [5] *Ван Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
- [6] *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
- [7] *Глотов М.Б.* Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10.
- [8] Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.
- [9] *Давыдовский И.В.* Геронтология. М., 1966.
- [10] *Де Моз Л.* Психоистория. Ростов н/Д., 2000.
- [11] *Дубин Б.В.* Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
- [12] *Кляйненберг Э.* Жизнь соло: Новая социальная реальность / Пер. с англ. М., 2014.
- [13] *Козлова Т.З.* Здоровье пенсионеров: самооценка // Социологические исследования. 2000. № 12.
- [14] *Козлова Т.З.* Мониторинг удовлетворенности пенсионеров материальным положением в 2000-е годы // Социологические исследования. 2006. № 5.
- [15] *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 2003.
- [16] *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
- [17] *Левинсон А.* Сократ и лира. «Новые старики» и старая реальность в России // В памяти и добром здравии. Старшее поколение, общество и политика. М., 2011.
- [18] *Леготин Э.В.* Межпоколенческая дифференциация среди молодых когорт в условиях преобразования российского общества: Дисс. ... к.с.н. М., 2003.
- [19] *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1976. Т. 21.
- [20] *Мангейм К.* Проблема поколений // Очерки социологии знания. М., 2000.
- [21] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. № 4.

- [22] *Нор-Аревян О.А.* Конфликтогенность взаимодействия поколений в условиях социальной трансции российского общества: Дисс. ... к.с.н. Ростов н/Д., 2003.
- [23] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2003.
- [24] *Омельченко Е.Л.* Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск, 2004.
- [25] *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 1997.
- [26] Основы геронтологии / Под ред. Д.Ф. Чеботарева, Н.Б. Маньковского, В.В. Фролькиса. М., 1969.
- [27] *Семенова В.В.* Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
- [28] *Смолькин А.* Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3.
- [29] Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 2000.
- [30] Судьбы людей: Россия XX век: Биография семей как объект социологического исследования. М., 1996.
- [31] *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
- [32] *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905—1907 — 1918—1922 гг. М., 1997.
- [33] *Шахматова Н.В.* Поколенческая организация современного российского общества. Саратов, 2003.
- [34] *Ястребинская Г.А.* Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992—2002. М., 2005.
- [35] *Freeman J.T.* Some notes on the history of the National Institute on Aging // Gerontologist. 1980. № 20.
- [36] *Morley J.E.* A brief history of Geriatrics // Journals of Gerontology: Medical Sciences. 2004. № 59.
- [37] URL: http://gersociety.ru/news/news_199.html.

“WHITE SPOTS” OF THE GENERATIONAL ANALYSIS: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE MEANING OF THE AGE

I.V. Trotsuk

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

As a rule, it goes without saying that the generational analysis is one of the major tasks of sociology, which aims to diagnose the state and trends of the social development by comparing value priorities, attitudes and behavioral patterns of the age subgroups that constitute the society. Despite the lack of a common definition of ‘generation’ in the scientific discourse and the differences in its interdisciplinary interpretations researchers agree that in sociology we define ‘generation’ not so much as a demographic group of the same age, but as a certain symbolic community whose members were raised in the similar social conditions. Unfortunately, the Russian sociology adheres to the fragmented version of generational analysis focusing mainly on the youth (less often on the working population as a whole) and ‘forgets’ about the elderly and children due to several reasons, but the main ones are evident in both cases — the

older generations are largely ignored, and for the youngest it is difficult to choose an adequate methodological approach. The article indicates the thematic priorities of generational analysis in its sociological format (focus on the social status and symbolic features of generations rather than on the culture of childhood, which is the subject of historical research), identifies its key concepts (generation and cohort) and problems, summarized the differences of the methodological approaches (primarily quantitative and qualitative) and research orientations especially in the study of older ages.

Key words: generation; generational analysis; cohort; social structure; qualitative and quantitative approaches; 'demographic' generation; symbolic community.

REFERENCES

- [1] *Anan'ev B.G.* Izbrannye psihologicheskie trudy [Selected Psychological Works]: v 2-h t. M., 1980. T. 1.
- [2] *Ariès Ph.* Rebenok i semejnaja zhizn' pri starom porjadke [Centuries of Childhood]. Ekaterinburg, 1999.
- [3] *Barsukova S.Ju.* Nerynochnye obmeny mezhdru rossijskimi domohozjajstvami [Non-market exchanges between Russian households]. URL: www.ecsocman.edu.ru/db/msg/182574.html.
- [4] V pamjati i dobrom zdravii. Starshee pokolenie, obshhestvo i politika [In the Memory and Good Health. The Older generations, Society and Politics]. M., 2011.
- [5] *Van Gennep A.* Obrjady perehoda. Sistematičeskoe izučenie obrjadov [The Rites of Passage]. M., 1999.
- [6] *Voronkov V.M.* Proekt «šestidesjatnikov»: dvizhenie protesta v SSSR [The project 'men of the sixties': the protest movement in the USSR]. Otcy i deti: Pokolenčeskij analiz sovremennoj Rossii / Sost. Ju. Levada, T. Shanin. M., 2005.
- [7] *Glotov M.B.* Pokolenie kak kategorija sociologii [Generation as a sociological category] // Sociologičeskie issledovanija. 2004. № 10.
- [8] Golosa krest'jan: sel'skaja Rossija XX veka v krest'janskix memuarax [Peasants Voices: Rural Russia of the XXth Century in the Peasants Memoirs]. M., 1996.
- [9] *Davydovskij I.V.* Gerontologija [Gerontology]. M., 1966.
- [10] *De Mause L.* Psihoistorija [Psychohistory]. Rostov n/D., 2000.
- [11] *Dubin B.V.* Pokolenie: smysl i granicy ponjatija [Generation: the meaning and limits of the concept] // Otcy i deti: Pokolenčeskij analiz sovremennoj Rossii / Sost. Ju. Levada, T. Shanin. M., 2005.
- [12] *Klinenberg E.* Zhizn' solo: Novaja social'naja real'nost' [Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone] / Per. s angl. M., 2014.
- [13] *Kozlova T.Z.* Zdorov'e pensionerov: samoocenka [Pensioners' health: the self-esteem]. Sociologičeskie issledovanija. 2000. № 12.
- [14] *Kozlova T.Z.* Monitoring udovletvorennosti pensionerov material'nym položeniem v 2000-e gody [Monitoring of the pensioners' satisfaction with their financial situation in 2000s]. Sociologičeskie issledovanija. 2006. № 5.
- [15] *Kon I.S.* Rebenok i obshhestvo [Child and Society]. M., 2003.
- [16] *Levada Ju.A.* Pokolenija XX veka: vozmožnosti issledovanija [Generations of the XXth century: prospects for the study]. Otcy i deti: Pokolenčeskij analiz sovremennoj Rossii / Sost. Ju. Levada, T. Shanin. M., 2005.
- [17] *Levinson A.* Sokrat i lira. «Novye stariki» i staraja real'nost' v Rossii [Socrates and lyre. 'New older generations' and the old reality of Russia]. V pamjati i dobrom zdravii. Starshee pokolenie, obshhestvo i politika. M., 2011.
- [18] *Legotin E.V.* Mezhpokolenčeskaja differenciacija sredi molodyh kogort v uslovijax preobrazovanija rossijskogo obshhestva [Intergenerational differentiation among younger cohorts in the transforming Russian society]: Dis. ... k.s.n. M., 2003.

- [19] *Lenin V.I.* Pamjati Gercena [In memory of Herzen]. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. M., 1976. T. 21.
- [20] *Mannheim K.* Problema pokolenij [The problem of generations]. Oчерки sociologii znaniya. M., 2000.
- [21] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Repertuar strahov rossijskogo studenta: po materialam jempiricheskogo proekta [Russian students' main fears: the results of an empirical study]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2013. № 4.
- [22] *Nor-Arevjan O.A.* Konfliktogennost' vzaimodejstvija pokolenij v uslovijah social'noj tranzicii rossijskogo obshhestva [Generational Conflicts in the Transforming Russian Society]: Dis. ... k.s.n. Rostov n/D., 2003.
- [23] *Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian Language]. M., 2003.
- [24] *Omel'chenko E.L.* Molodezh': Otkrytyj vopros [Youth: An Open Question]. Ul'janovsk, 2004.
- [25] *Ortega y Gasset J.* Izbrannye trudy [Selected Works]. M., 1997.
- [26] *Osnovy gerontologii* [Foundations of Gerontology] / Pod red. D.F. Chebotareva, N.B. Man'kovskogo, V.V. Frol'-kisa. M., 1969.
- [27] *Semenova V.V.* Sovremennye koncepcii i empiricheskie podhody k ponjatiju «po-kolenie» v sociologii [Contemporary interpretations and empirical approaches to the concept 'generation' in sociology]. Otcy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii / Sost. Ju. Levada, T. Shanin. M., 2005.
- [28] *Smol'kin A.* Istoricheskie formy otnoshenija k starosti [Historical forms of perception of old age]. Otechestvennye zapiski. 2005. № 3.
- [29] *Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar'* [Sociological Encyclopedic Dictionary] / Pod red. G.V. Osipova. M., 2000.
- [30] *Sud'by ljudej: Rossija XX vek: Biografija semej kak ob'ekt sociologicheskogo is-sledovanija* [The Fate of Generations: Russia. XXth century: Family Biography as an Object of Sociological Study]. M., 1996.
- [31] *Shanin T.* Istorija pokolenij i pokolencheskaja istorija [History of generations and generational history] // Otcy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii / Sost. Ju. Levada, T. Shanin. M., 2005.
- [32] *Shanin T.* Revoljucija kak moment istiny [Revolution as A Moment of Truth]. 1905—1907 — 1918—1922 gg. M., 1997.
- [33] *Shahmatova N.V.* Pokolencheskaja organizacija sovremenного rossijskogo obshhestva [Generational Organization of the Contemporary Russian Society]. Saratov, 2003.
- [34] *Yastrebinskaja G.A.* Taehnaja derevnja Kobelevo. Istorija sovetskoj derevni v golosah krest'jan: 1992—2002 [Taiga Village Kobelevo: The History of the Soviet Countryside in the Peasants' Voices]. M., 2005.